

ТОПОС УСАДЬБЫ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕПИСКИ А.С. ПУШКИНА

Предметом исследования в данной статье является топос усадьбы (топосы Тригорского, Малинников) в переписке А.С. Пушкина 1824-1826 гг., второй половины 1820-х гг., 1830-х гг. как фактор, обуславливающий пространственно-временную организацию писем поэта и его корреспондентов. В результате анализа определяется содержание топоса усадьбы, связанное с двумя аспектами значений – «культурным» и природным пространством, и его роль в формировании целостного текста переписки Пушкина.

Л.И. Вольперт, И.А. Паперно, анализируя феномен целостности переписки Пушкина, указывают два основных условия формирования целостного текста. Во-первых, наличие в реальной жизни корреспондентов «общего мира»; во-вторых, эстетическую организованность переписки, что связано с художественной природой писем. Уровнями, на которых формируется целостный текст переписки, согласно концепции Л.И. Вольперт и И.А. Паперно, являются идейно-тематический, сюжетно-композиционный, стилистический [3, 50; 12, 214-215; 13, 71, 80]. Исследовательницы также в качестве важного фактора целостности переписки называют ее принадлежность определенному пространству-времени. С точки зрения Л.И. Вольперт, И.А. Паперно, пространственно-временной план переписки Пушкина (он складывается из отдельных хронологических периодов) изначально является «внешним» признаком целостности ее текста [3, 49; 13, 71]. Письма корреспондентов, относящиеся к одному времени, «закрепленные» за определенным местом, тяготеют к объединению в единую структуру. Обозначая роль пространства-времени в формировании целостного текста переписки Пушкина, литературоведы вместе с тем не рассматривают эту проблему как самостоятельную.

Развивая концепцию предшественников, мы определяем пространственно-временную организацию как один из наиболее важных способов создания целостного текста переписки Пушкина. Хронотоп переписки, подобно хронотопу художественного произведения, складывается из двух составляющих – пространства и времени. При этом пространство, с нашей точки зрения, осознает-

ся как содержательная, «ведущая» категория, а время (в переписке оно «одноплановое» – фиксирует настоящий момент; за исключением ретроспективного плана) – как второстепенная составляющая.

Актуальным в этом контексте оказывается понятие топоса – единицы, которая конституирует пространственно-временной план переписки Пушкина. Топос, согласно концепции В.С. Баевского, Ф.П. Федорова и других исследователей, – это дефиниция, обозначающая «место действия» в художественном тексте [1, 51; 15, 5; 18, 81; 19, 706-707]. Топос осознается как категория, синонимичная локусу, но принципиально дифференцируемая от него. Функционируя в художественном тексте как единицы художественного пространства, топос и локус находятся в отношениях строгой иерархии. Общим является обозначение топосов как «самых крупных подразделений художественного пространства», а локусов как «подразделений топосов» [1, 51], т. е. принципиальным становится их различие по признаку «широты» – «узости» обозначаемых ими участков художественного пространства.

Образ усадьбы как культурно-исторический феномен жизни русского дворянства XVIII–XIX веков всесторонне исследован современной наукой [6, 7, 8, 11, 16, 17]. Усадебный мир – явление, складывающееся из многих сфер, важнейшими среди которых оказываются материальная (природный ландшафт, архитектурно-парковый комплекс) и духовная (культурная жизнь обитателей усадьбы, определяемая кругом их занятий (литература, чтение, музицирование, библиофильство)) [6, 16; 17, 10-11]. Соответствен-

но, топос усадьбы – это пространственная категория, включающая два типа пространства – материальное и «культурное».

Топос усадьбы в переписке Пушкина представлен топосами Тригорского и Малинников, которые формируются в письмах поэта и его корреспондентов 1824–1826 гг., второй половины 1820-х и 1830-х гг.

В данной статье мы ставим задачу: определить содержание топоса усадьбы, реализующегося через топосы Тригорского, Малинников, и выявить его роль в создании пространственно-временной организации переписки Пушкина.

Топос Тригорского обнаруживает значение, соотносимое с понятием «культурного» пространства, в переписке Пушкина с П.А. Плетневым, В.Ф. Вяземской, Н.Н. Пушкиной 1824 г., 1825 г., 1835 г. Культурная атмосфера дома Осиповых-Вульффов складывается из нескольких составляющих. Музыка занимает значимое место в жизни представительниц Тригорского. В письме (черновое) к В.Ф. Вяземской от конца октября 1824 г. (написано по-французски) из Михайловского в Одессу Пушкин определяет характер занятий тригорских барышень: «Ее дочери (П.А. Осиповой. – *О.П.*) <...> играют мне Россини» [14, XIII, 532]. Спустя почти год в письме, датированном около (не позднее) 19 июля 1825 г. из Тригорского(?) Пушкин сообщает Плетневу о вдохновенном исполнении А.П. Керн романса И.И. Козлова: «...недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет <...> Венецианскую ночь...» [14, XIII, 189]. Другое обязательное занятие в Тригорском – чтение. Находясь в Тригорском осенью 1835 г., Пушкин сообщает жене в письме от 25 сентября: «...читаю романы В.<альтер> Скотта» [14, XVI, 51]. Локус тригорской библиотеки появляется в письме Пушкина Н.Н. Пушкиной от 29 сентября 1835 г.: «Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах...» [14, XVI, 52].

Помимо традиционных форм культурного быта важной сферой реализации творчества в Тригорском являлась эпистолярная игра. Сущность эпистолярной игры состоит в том, что текст реальной переписки строится по литературному образцу, усваивает художественную форму и обнаруживает раз-

личные признаки литературности. Эпистолярная игра была частью литературного быта пушкинской эпохи, предельно ориентированного на искусство (литература, театр), осваивавшего его различные жанровые формы (шарада, экспромт и др.). С точки зрения Ю.М. Лотмана, искусство в начале XIX века становится «моделью, которой жизнь подражает» [10, 272].

Рассматривая игру как проявление артистической природы Пушкина, Л.И. Вольперт определяет ее в качестве структурного принципа текста переписки поэта 1824–1826 гг. с представителями Тригорского – П.А. Осиповой, А.Н. Вульфом, Ан.Н. Вульф, А.П. Керн [4, 209; 5, 33–37]. Л.И. Вольперт устанавливает, что источником возникновения игры в переписке Пушкина, моделью ее создания становится жанр эпистолярного романа («Опасные связи» Шодерло де Лакло) [2, 90–92], близкий по своей природе явлению переписки. Спецификой эпистолярной игры, которая обнаруживается в переписке Пушкина, является то, что она могла реализоваться только в границах определенного пространства. Эту закономерность – обусловленность ситуативного поведения пространством – выявляет Ю.М. Лотман, исследуя семиотику бытового поведения русского дворянства начала XIX века. Ученый отмечает, что «...определенными пространствами определялись стилевые константы поведения» [9, 253]. Л.И. Вольперт вводит емкое определение топоса Тригорского – «отгороженный топос» [5, 37]. Исследовательница подчеркивает таким образом «отграниченность», локализованность усадебного мира (Тригорское) относительно внешнего пространства. Усадьба – пространство, живущее по собственным законам, лишенное в отличие от города регламентированных устоев жизни, а потому «открытое» для свободных проявлений творчества, в том числе игры.

Мир игровых отношений, закрепленный за топосом Тригорского, находит воплощение в переписке Пушкина с Л.С. Пушкиным, А.П. Керн, Ан.Н. Вульф, П.А. Осиповой 1824–1826 гг.

Ограничим круг исследуемых писем перепиской Пушкина с женщинами. Интересным в эпистолярном диалоге поэта с А.П. Керн,

Ан.Н. Вульф, П.А. Осиповой представляется процесс моделирования пространства, что, с одной стороны, становится частью игры (наравне с сюжетными ситуациями, «заимствованными» из эпистолярного романа), с другой, необходимым условием для ее реализации.

В переписке Пушкина с этими корреспондентками (все рассматриваемые письма написаны по-французски) создается модель «романтического» пространства. В письме Ан.Н. Вульф от 21 июля 1825 г. из Михайловского в Ригу поэт использует поэтические формулы при обозначении Тригорского: «Все Тригорское поет *He mила ей прелестъ NB: ночи...*» [14, XIII, 538]. Вспоминая ситуацию исполнения А.П. Керн «Венецианской ночи», Пушкин раскрывает романтическую атмосферу Тригорского, которая для него связана с образом А.П. Керн. В письме Пушкина А.П. Керн от 25 июля 1825 г. в Ригу Тригорское предстает как место романтической встречи: «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление<...>глубокое и мучительное...» [14, XIII, 539]. Модель «романтического» пространства, связанная с топосом Тригорского, формируется в письме Пушкина П.А. Осиповой от 29 июля 1825 г. из Михайловского в Ригу: «Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично<...>вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника – вы видите, я, по старой привычке, путаю и наши жилища» [14, XIII, 540]. Локусы сада, замка, библиотеки обозначают усадебный мир. Замок – такое обозначение дома в Тригорском – вписывается в общий контекст эпистолярной игры, ориентированной на «Опасные связи» – французский эпистолярный роман. Замок – аналог русского усадебного поместья во французской культуре. Кроме того, замок – определение, в наибольшей степени соответствующее образу изгнанника, в котором предстает Пушкин перед корреспонденткой. Другая характеристика дома Осиповых-Вульфов – «жилище» – также включается в общий поэтический контекст письма Пушкина. Библиотека, сад – пространство, связанное с уединенными размышлениями.

Игровая атмосфера Тригорского раскрывается в эпистолярном диалоге Пушкина с А.П. Керн. Сохранилось 11 писем Пушкина

к Керн (7 из них – 1825-1827 гг. – связаны с эпистолярной игрой) и 2 письма Керн к Пушкину (одно, написано совместно с А.Г. Родзянко, от 10 мая 1825 г. и также реализует игровую поэтику). Литературный характер переписки Пушкина с Керн раскрывается в письме поэта от 28 августа 1825 г. (написано по-французски) из Михайловского в Ригу. Конструируемый в письме Пушкина сюжет по своим ключевым положениям напоминает сюжет эпистолярного романа. Письмо Пушкина включает череду романских ситуаций. Центральная среди них – романтический побег, свидание влюбленных: «...приезжаете <...> в Михайловское!<...>. Согласитесь, что мой проект романтический!» [14, XIII, 546]. Творческий процесс построения романской ситуации, осознанно, открыто переживаемый, приобретает значение эстетического, художественного явления. Логическое продолжение ситуации – тайные встречи с доверенным лицом: «Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком...» [14, XIII, 546]. Пушкин включает в воображаемую любовную историю, которая должна развиваться в пространстве Тригорского, событие обязательное для эпистолярного романа – перехват писем влюбленных: «...каким же образом буду я получать от вас письма <...>. Наши письма наверное будут перехватывать, прочитывать, обсуждать и потом торжественно предавать сожжению» [14, XIII, 546].

«Обманное» письмо – сюжетный ход (традиционный для эпистолярного романа) Пушкин применяет в моделируемой романской ситуации. В письме А.П. Керн от 28 августа 1825 г. Пушкиным было отправлено второе письмо, якобы адресованное П.А. Осиповой, но в действительности предназначенное для Анны Петровны: «Прилагаю письмо для вашей тетушки; вы можете его оставить у себя, если случится, что они уже уехали из Риги» [14, XIII, 546]. Этот ход Пушкину подсказывает сама А.П. Керн. Отвечая на несохранившееся письмо корреспондентки, Пушкин замечает: «...можно ли быть столь ветреной? Каким образом письмо, адресованное вам, попало не в ваши, а в другие руки» [14, XIII, 546]. Информация о путанице с письмом, содержавшаяся

в несохранившемся письме Керн, осознается Пушкиным как свидетельство игровой установки, выражаемой корреспонденткой. Высказывая запрет на прочтение чужого письма («Не распечатывайте прилагаемого письма» [14, XIII, 547]), Пушкин предполагает совершение корреспонденткой противоположного действия: «...как с божьей помощью все перемешалось: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти – и все мы находим в них нечто для себя назидательное...» [14, XIII, 547]. В нарушении запрета усматривается источник для появления новых поворотов в игре. «Обманное» письмо – прием, позволяющий Пушкину выразить точку зрения, противоположную той, которая представлена в письме поэта А.П. Керн. Перед А.П. Керн Пушкин играет роль влюбленного, вырабатывающего дерзкий план побега. В письме, якобы адресованном Осиповой, поэт, напротив, предстает в образе наставника, выступающего за сохранение семейного союза: «Я напишу ей (А.П. Керн. – *О.П.*) другое (письмо. – *О.П.*) <...> и решительно порву с ней всякие отношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в семью...» [14, XIII, 547]. Обнаруживаемая противоречивость оценок определяет смысловую многозначность, открытость многостороннего эпистолярного диалога и, следовательно, свободу корреспондентов в выборе ими собственной диалогической позиции.

Модель пространства, организованного по эстетическим законам, раскрывается в письме Пушкина и Ан.Н. Вульф от 8 декабря 1825 г. (написано по-французски) из Тригорского в Ригу, адресованном А.П. Керн. Ан.Н. Вульф сообщает корреспондентке: «Не бойся за свои письма <...>. Моих писем больше уже не вскрывают <...>. Этой зимой надеюсь непременно уехать в Тверь, а покамест томлюсь, тоскую...» [14, XIII, 551]. Тригорское воспринимается Ан.Н. Вульф как «поднадзорное» пространство, жизнь в котором регламентирована. Письма – единственный способ осуществления связи с внешним миром, подвергаются строгому контролю. Перехват, прочтение чужих писем (типичные сюжетные фрагменты эпистолярного романа) – норма жизни в Тригорском. Ан.

Н. Вульф ощущает себя в образе героини сентиментального романа. Высказываемые ею чувства (томлюсь, тоскую) укладываются в рамки литературной схемы. Тригорское, с точки зрения корреспондентки, предстает местом духовного одиночества, скуки.

Топос Тригорского формируется также в эпистолярном диалоге Пушкина с Ан.Н. Вульф. Известны 2 письма Пушкина к Ан.Н. Вульф (от марта–мая 1825(?) г. из Михайловского и от 21 июля 1825 г. из Михайловского в Ригу) и 6 писем Ан.Н. Вульф к поэту (4 письма 1826 г. – из Малинников в Михайловское; 2 – 1826 г. – из Петербурга в Москву). Письма Ан.Н. Вульф 1826 г., отправленные из Малинников – тверского имения Вульфов, несут в себе информацию об этом усадебном пространстве. Таким образом, переписка Пушкина с Ан. Н. Вульф помимо топоса Тригорского оказывается связана с топосом Малинников.

Первое письмо Ан.Н. Вульф Пушкину из Малинников, датированное концом февраля–8 марта 1826 г. (написано по-французски), осознается как продолжение диалога, происходившего между корреспондентами в Тригорском в 1825 г. Свидетельством этого становятся сюжетные ситуации, в целом характерные для переписки, связанной с топосом Тригорского. Ситуация любовного соперничества является центральной: «...я встретила [здесь] прелестного кузена, который страстно любит меня <...>. Ему нестерпима мысль, что я столько времени провела вместе с вами, таким великим распутником» [14, XIII, 552]. «Великий распутник» – роль, характерная для Пушкина в эстетической системе Тригорского, оказывается актуальной в границах другой усадьбы – Малинников, также открытой для игры. Ан. Н. Вульф подтверждает эту роль (литературную по своей природе), избираемую Пушкиным во взаимоотношениях с представительницами Тригорского: «...может быть Нетти сделает вас другим? <...> Аннета Керн также должна приехать сюда; однако между нами не будет соперничества; повидимому, каждая довольна своей долей. Это делает вам честь и доказывает наше тщеславие и легковірие» [14, XIII, 553]. Тайная переписка – закон игры, происходящей в Три-

горском, – продолжает действовать и в пространстве Малинников: «...боюсь <...> что буду лишена возможности писать вам, ибо не знаю, удастся ли мне прятать письма от кузин <...>. Не знаю, как переслать вам это письмо, боюсь, если через Тригорское, как бы оно не попало в руки маменьке...» [14, XIII, 552-553]. Ан.Н. Вульф, воспринимая Пушкина как творца игры, ожидает его ответного участия: «...не писать ли мне через *Евпраксию*? – посоветуйте, как лучше» [14, XIII, 553].

Общей в письме Ан.Н. Вульф Пушкину от второй половины марта 1826 г. (написано по-французски) из Малинников в Михайловское с предыдущим письмом оказывается концепция личности поэта: «Как вы умеете притворяться в чувствах! Я согласна с кузинами, что вы очень опасный человек...» (14, XIII, 554). Поэт предстает в образе героя-соблазнителя. Отношения корреспондентов осознаются как запретные, требующие их сокрытия от окружающих. Ан.Н. Вульф предлагает Пушкину определенную программу поведения в Тригорском: «Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой <...> то заклинаю вас не делать этого перед маменькой...» [14, XIII, 553].

Ответная реакция Пушкина в эпистолярном диалоге с Ан.Н. Вульф передается в письме корреспондентки от 20 апреля 1826 г. (написано по-французски) из Малинников: «Как можете вы, получив от меня письмо, воскликнуть: <«Ах, господи», какое письмо, – будто его писала женщина!» – и тут же бросить его, чтобы читать глупости Нетти <...>. Нетти, которая даже не знала, что я писала вам, рассыпается в упреках мне за недостаток дружбы и доверия к ней – вы обвиняете меня в ветренности...» [14, XIII, 554]. Пушкин, принимая игровой настрой писем Ан.Н. Вульф, продолжает игру и становится ее организатором. Поэт на расстоянии – из Тригорского управляет процессом эпистолярной игры, происходящей в Малинниках. Одновременно ведя переписку с Ан.Н. Вульф и А.И. Вульф, Пушкин делает этот факт известным для Анны Николаевны и тем самым определяет новый поворот их диалога.

Мир игровых отношений, связанный с топосом Малинников, раскрывается в пере-

писке Пушкина 1828–1829 гг. В письме от 27 октября 1828 г. Пушкин обращается к А.Н. Вульфу из Малинников (поэт гостил в тверском имении Осиповой с октября (22) по декабрь (5)): «Тверской Ловелас С. Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает» [14, XIV, 33]. На игровое поведение Пушкина в отношении с Вульфом указывает то, что он ориентируется на литературные схемы: поэт именуется Ловеласом (герой романа Ричардсона «Клариса Гарлоу»), Вульфа – Вальмоном (персонаж «Опасных связей»). Выбранные роли героев-соблазнителей предписывают корреспондентам определенный тип поведения – любовные победы: «...в здешней губернии <...>. Меня приняли с достоинством почитанием и благосклонностью. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении) <...> пояснения на счет вашего П.<етер>Бургского поведения дал я с откровенностью <...> от чего <...> вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец...*» [14, XIV, 33]. Фразы, выделенные в письме Пушкина курсивом, принадлежат представительницам Малинников и свидетельствуют об их активном участии в игре. Шутливый, игровой настрой определяется через «программирование» поэтом своего чувства: «Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне <...> я намерен на днях в нее влюбиться» [14, XIV, 33].

Рассматриваемое письмо обнаруживает сюжетное единство с письмом Пушкина А.Н. Вульфу (совместное с Ан.Н. Вульф) от 16 октября 1829 г. из Малинников. Поэт находился в Малинниках в октябре-ноябре 1829 г. «...я <...> прибыл в старицкой уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились» [14, XIV, 49], – как и в письме от 27 октября 1828 г., Пушкин определяет амплуа Вульфа и свое собственное в качестве амплуа героев-искусителей. Присвоение имени Ловеласа Вульфу (ранее в этом образе выступал Пушкин) обнаруживает «гибкость», «пластичность» игры и ее участников, готовых к перевоплощению, смене масок. Пушкин описывает участников игры и круг их занятий: «В *Малинниках* застал я одну Ан.<ну> Ник.-

<олаевну> <...> с Муром. Она<...> объявила мне следующее<...> Евпр.<аксия> Ник.<олаевна> и Ал.<ександра> Ив.<ановна> отравились в Старицу [п]осмотреть новых уланов<...> Гретхен хорошеет<...> В Павловском <...> Пав.<ел> Ив.<анович> стихотворствует с отличным успехом<...> В Берново<...> Netty<...> Вот уже третий день как я в нее влюблен <...> Поповна (ваша Кларисса) в Твери...» [14, XIV, 49-50]. Мир игровых отношений реализуется не только в пределах Малинников, но находит воплощение и в другом пространстве. Село Берново, село Павловское, город Старица существуют в рамках единой эстетической системы с Малинниками. Показателем игры становятся литературные маски, определяемые Пушкиным и Вульфом для ее участниц. Гретхен – Е. Вельяшева [5, 45]; Кларисса (Смирнова Е.Е. – воспитанница семьи П.И. и Ф.И. Вульфов) – имя, обусловленное ролью А.Н. Вульфа (пара Кларисса – Ловелас в романе Ричардсона).

В письме Пушкина Вульфу также определяются другие характеристики топоса усадьбы. Чтение («В Малинниках застал я одну Ан.<ну> Ник.<олаевну> <...> с Муром») – Пушкин указывает на прочтение А.Н. Вульфа произведений Т. Мура), занятия литературой («В Павловском <...> Пав.<ел> Ив.<анович> стихотворствует с отличным успехом») – неотъемлемая часть культурной жизни усадьбы, в данном случае Малинников и Павловского. В письме Дельвигу от 26 ноября 1828 г. из Малинников Пушкин обозначает повседневную усадебную жизнь: «...я <...> играю в вист...» [14, XIV, 35]. Игра, так же как и чтение, – важная часть жизни усадьбы.

Топос усадьбы, реализующийся в переписке Пушкина через топосы Тригорского, Малинников, Павловского, Берново, обнаруживает ретроспективный план содержания. Ряд писем, объединенных ретроспективным значением, открывает письмо П.А. Осиповой Пушкину от 28 июня 1833 г. (написано по-французски) из Тригорского в Петербург. Предметом воспоминаний Осиповой оказывается Тригорское, каким оно было летом 1826 г.: «Это лето сильно напоминает лето 1826 года – та же удрушающая жара<...> но вместе с тем какая разница!!! – Вам уже известно, что Евпраксия раз-

решилась девочкой Марией. – Мой Алексей сердится, не получая отставки...» [14, XV, 318]. В доме Осиповых-Вульфов, в котором кроме постоянных обитателей летом 1826 г. гостили, находясь на летних каникулах, А.Н. Вульф и Н.М. Языков, частым гостем был Пушкин, существовала атмосфера веселья, беззаботности. При всей неизменности внешней обстановки (явлений природного мира – «та же удрушающая жара») контраст между прошлым (1826 г.) и настоящим (1833г.) касается перемен, произошедших в жизни участников мира Тригорского: Пушкин – муж, отец семейства; Е.Н. Вульф – ранее молодая девушка – теперь замужняя женщина, мать; А.Н. Вульф – в 1826 г. студент – с июля 1833 г. отставной штаб-ротмистр. Осознание перемен приносит новое значение в восприятие Осиповой Тригорского: «...пойду бродить по саду, думать о вас, о прошлом...» [14, XV, 318]. В отличие от Тригорского в 1826 г., представлявшего собой мир многостороннего дружеского общения, Тригорское в 1833 г. становится пространством «уединения». Сад – место неторопливых размышлений Осиповой о прошлом, оказывается духовным центром Тригорского. Поэт в письме Н.Н. Пушкиной от 21 августа 1833 г. из Павловского, отзываясь о своем посещении Павловского, Малинников, также, как и Осипова при характеристике Тригорского, отмечает временной разрыв между прошлым и настоящим: «...я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников <...> Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались...» [14, XV, 72]. Обращаясь в воспоминаниях к 1828 г. – времени, когда Малинники, Павловское, Берново были охвачены игрой, Пушкин с иронией и одновременно грустью воспринимает ушедший игровой мир, символизирующий молодость, и собственные возрастные перемены: «из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу<...> но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш <...> живет управитель...» [14, XV, 72]. Поступки, которые были закономерны в 1828 г., в новой действительности – 1833 г. становятся неприемлемы для Пушкина – степенного семьянина: «Вель-

яшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу» [14, XV, 73]. В усадебной жизни Малинников, Павловского, некогда наполненной азартом, на смену приходит прозаическая повседневность: «Здесь обещаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист» [14, XV, 73].

Оппозиция «прошлое-настоящее» актуализируется в письме Пушкина А.И. Беклешовой от 11-18 сентября 1835 г. из Тригорского. Учитывая игровой характер общения с Беклешовой в Тригорском в 1824-1826 гг., Пушкин сообщает романтический контекст своему обращению: «У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться» [14, XVI, 48]. Движимый стремлением «воскресить» те отношения, которые «строили» корреспонденты в 1825 г. – 10-летие назад Пушкин вместе с тем, осознает невозможность осуществления своего желания. Это объясняется произошедшими переменами в жизни Пушкина и Беклешовой. Влюбиться «на досуге» – поэт имеет в виду свое семейное положение, обремененность заботами. Показательно, что в настоящем Пушкин стремится увидеть прошлое: «Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время...» [14, XVI, 48]. М.И. Осипова – младшая сестра А.И. Беклешовой, в 1835 г. уже пятнадцатилетняя девушка. Ретроспективное значение топоса Тригорского повторяется в письме Пушкина жене от 25 сентября 1835 г. из Тригорского и «завершается» в письме поэта Языкову от 14 апреля 1836 г. из Голубово.

Другая смысловая грань топоса Тригорского раскрывается в эпистолярном диалоге Пушкина с Осиповой второй половины 1820-х гг., 1830-х гг. Всего сохранилось 42 письма корреспондентов, в 23 из них формируется топос Тригорского. В письме Пушкина Осиповой от 24 января 1828 г. (написано по-французски) из Петербурга топос Тригорского определяется через константы природного мира: «...шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды <...>. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти» [14, XIV, 384]. Локусы сада, Сороти воссоздают

усадебный ландшафт. Появление природных обозначений Тригорского в этом письме помимо закрепленной за ними семантической нагрузки обусловлено пространственной и временной дистанцией, разделяющей корреспондентов. В 1824–1826 гг. Тригорское являлось для Пушкина частью повседневной реальности, а потому переписка того времени не требовала природных описаний усадьбы (они возникают один раз – в «романтическом» письме Пушкина Осиповой от 29 июля 1825 г.). В переписке 1828 г., 1830-х гг., связанной с воспоминаниями поэта о времени жизни в Михайловском, Пушкину, напротив, важно было конкретизировать визуальный образ Тригорского. Возникающая оппозиция «Петербург – Тригорское», заключающаяся в противопоставлении городского – деревенского укладов жизни, направлена на определение Тригорского как усадебного пространства, воплощающего в себе идеалы сельской свободы, поэтического уединения. Новая номинация Тригорского – «место дружеских встреч» – утверждается в письме Пушкина Осиповой, датированном около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г. (написано по-французски) из Петербурга: «...я по-прежнему рассчитываю на соседство Тригорского <...>мы <...> все же соберемся под рябинами Сороти» [14, XIV, 385]. Тригорское – «место дружеских встреч» оказывается связано для Пушкина с мыслью о мирном соседстве, находящей развитие в эпистолярном обращении Пушкина к Осиповой от 29 июня 1831 г. (написано по-французски) из Царского Села: «...не могу ли я приобрести Савкино <...> Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году» [14, XIV, 430]. Олицетворяющий мир деревенского уединения, литературных занятий, локус хижины входит в одну группу с локусами сада, Сороти, функционирующими в переписке 1828 г., и также соотносится с оппозицией цивилизованного и природного пространства. В письме Осиповой Пушкину от 17 июня 1834 г. (написано по-французски) определяются отдельные контуры тригорской усадьбы: «Соберитесь как-нибудь приехать взглянуть на Тригорское <...> в садовом флигеле Тригорского <...> вы будете жить так, словно вас нет ни в Тригорс-

ком, ни в Михайловском...» [14, XV, 327]. Локус садового флигеля – в данном контексте – «жилища на лоне природы» – определяет Тригорское как уединенное пространство. Примечательна характеристика Тригорского, которую вводит Осипова в письме Пушкину от 18 января 1836 г. (написано по-французски) из Тригорского: «...я уж остерегусь покинуть мою пустыню <...> память тех, кого я [так] люблю, время от времени меня там посещает» [14, XVI, 377]. «Пустыня» – равнозначно «мир, отделенный от внешнего пространства», но духовно наполненный воспоминаниями, – условно-литературное понятие, продиктованное сентиментальным мироощущением Осиповой.

Таким образом, топос усадьбы в переписке Пушкина – родовой по отношению к топосам Тригорского, Малинников, образуется из комплекса значений, реализуемых этими топосами. Топос усадьбы в письмах Пушкина и его корреспондентов раскрывается в двух аспек-

тах: «культурное» пространство (чтение, музыка, занятия литературой, карточная игра; эпистолярная игра); природное пространство (определения Тригорского в переписке поэта с Осиповой), которое неотделимо от духовного (оппозиция «город – деревня»). В общей сложности топос усадьбы объединяет 63 письма Пушкина и его корреспондентов разных хронологических периодов – 1824–1826 гг., 1828–1829 гг., 1830-х гг. (при этом общий количественный состав переписки Пушкина включает 1372 письма); 39 писем участвуют в формировании «культурного» пространства, 24 письма связаны с определением природных констант Тригорского, его характеристикой как места дружеских встреч, поэтического уединения. «Оригинальность» топоса усадьбы, формирующегося в письмах Пушкина и его корреспондентов, связана с особым игровым миром, появление которого обусловлено самими жанровыми особенностями переписки.

Список использованной литературы:

1. Баевский В.С. Из наблюдений над художественным пространством «Евгения Онегина» // Художественное пространство и время. Даугавпилс, 1987. С. 51-62.
2. Вольперт Л.И. Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 84-114.
3. Вольперт Л.И. Дружеская переписка Пушкина Михайловского периода (сентябрь 1824 г. – декабрь 1825 г.) // Пушкинский сборник. Л., 1977. С. 49-62.
4. Вольперт Л.И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллинн, 1980.
5. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998.
6. Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М., 2003.
7. Каждан Т.П. Русская усадьба // Русская художественная культура второй половины XIX в. Картина мира. М., 1991. С. 354-393.
8. Летягин Л.Н. Русская усадьба: миф, мир, судьба // Русская усадьба. Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). М., 1998. С.253-259.
9. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 248-268.
10. Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 269-286.
11. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. I. Общественно-культурная среда. М., 1998. С.265-372.
12. Палерно И.А. Переписка как вид текста. Структура письма // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. I (5). С.214-215.
13. Палерно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май – октябрь 1831 г.) // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 420. С. 71-81.
14. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1994-1997. В тексте в скобках римской цифрой обозначается номер тома, арабской – номер страницы.
15. Разумова Н.Е. Пространственная модель мира в творчестве А.П. Чехова. Автореф. дисс. ...д.ф.н. Томск, 2001.
16. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII–начала XIX века / Сост., вступ. ст., коммент. Е.П. Зыковой. М., 2005.
17. Стернин Г.Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. №2 (18). М., 1996. С. 10-15.
18. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.
19. Фрейдин Ю.Л. Заметки о хронотопе московских текстов Мандельштама // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 703-728.